

Г. Витценман

Путь к действительности

Замечания к вопросу об истине^{1и2}

1.

В примечании к новому изданию (1924 г.) своей работы "Основные черты теории познания и мировоззрения Гете", впервые опубликованной в 1886 году, Рудольф Штайнер выдвигает следующее, касающееся тогдашней философской литературы: "Все они предполагают, что действительность существует где-то вне познания, а в познании должно - или же не может - быть дано лишь человеческое отображение этой действительности. Вряд ли хоть одно из них ощущает, что эта действительность не может быть *найдена* познанием, ибо она лишь в познании создается как действительность".³ "Человек творчески участвует в этой мировой действительности тем, что познает".⁴ "В познании человек творит не для одного себя, но творчески участвует вместе со всем миром в откровении действительного бытия".⁵

Эти замечания служат средством оправдания того, что Рудольф Штайнер опубликовал эту, по его собственному выражению "юношескую" работу, хотя ей тогда (1923 г.) исполнилось уже "почти 40 лет", "без всяких изменений, дополнена только несколькими примечаниями".⁶ Теперь, когда с момента появления того "нового" издания прошло еще более полувека, и от времени написания цитируемых здесь текстов нас отделяет почти целое столетие, трудно предположить, что считавшееся тогда истинным не устарело уже давным давно. Многие из тех, кто знаком с взрывоподобным развитием науки во всех областях (в частности - логики, теории науки и лингвистики) в истекшие десятилетия, будут склонны делать именно такие оговорки.

Тем не менее обзор новой и новейшей философской и научно-теоретической литературы показывает до удивления неизменную в своей сути картину в той части, в какой это касается идеи действительности и соответственно идеи познания. Так, довольно часто в этих публикациях слышны отголоски штайнеровской идеи продуктивного (производящего) познания. Однако автору неизвестны какие-либо серьезные разработки этой идеи в свете теории познания и в научно-теоретическом плане. Более того, все подходы в этом направлении, по-видимому, ориентированы в более или менее завуалированной форме на возврат к *репродуктивной* задаче, /и успеху/ решаемой челове-ческим познанием.

Для характеристики этой ситуации приведем несколько произвольно выбранных примеров. "Если мы действительно хотим отойти от субъективного восприятия, мы должны считать познание некой деятельностью, которая не производит

познаваемое, а фиксирует уже имеющееся".⁷ "Сущность мышления определяется тем, о чем можно размышлять: присутствием присутствующего, существованием существующего".⁸ "Совпадение какого-то высказывания с действительностью не может быть полным отображением, а сводится лишь к тому, что те связи, которые мысленно возникли при этом высказывании за счет определенных свойств отдельных предметов действительности, могут быть восприняты совершенно однозначно".⁹ "Если в высказывании выражено некое обстоятельство дела, то оно... осмысленно и, стало быть, истинно, коль скоро это обстоятельство есть на самом деле, или ложно, если этого обстоятельства нет".¹⁰ "В каком-то смысле что-то можно назвать "истинным" или "ложным", когда оно выражает или не выражает определенного положения вещей".¹¹ "Все познание в конечном счете сводится к моим собственным переживаниям, которые ставятся в определенные отношения, закрепляются в них и обрабатываются".¹² "Понятие... действительности не встраивается ни в какую конституированную на основе познания систему и потому характеризуется как понятие нерациональное, метафизическое".¹³ "Этот процесс (постоянно прогрессирующего человеческого познания) представляется, по-видимому, связанным о неким приспособлением человеческого духа и форм его мышления к тем сферам бытия, которые только в результате этого и становятся доступными познанию".¹⁴

Предпосылка априорной действительности влияет и на выдвинутую Тарским формулировку (в основном только логическую и синтаксическую, "семантическую") условий истинности: "X есть истинное высказывание тогда и только тогда, когда вместо "р" можно поставить любое высказывание, а вместо "X" название этого высказывания".¹⁵ Такой же смысл имеет и другая формула Тарского: "истинным является такое высказывание, которое свидетельствует, что дела обстоят так-то и так-то и что именно так обстоят дела." Представление о действительности, предшествующее познанию, лежит в основе следующего высказывания: "какое-то словоупотребление выявляется как таковое, вероятно, лишь тогда, когда мы знаем, что представляют собой упомянутые дела, и умеем выразить это свое знание".¹⁶

В свете учения Рудольфа Штайнера о познании вопрос должен стоять не о том, "что представляют собой эти дела (вещи)", а о том, как мы их воспроизводим (реализуем). Эту особенность такого определения действительности (она с трудом укладывается в сегодняшние стереотипы мышления) можно пояснить и следующим высказыванием: "та необходимость, что, *если высказывание истинное, тогда обстоятельство существует*, есть логическая необходимость".¹⁷ Истинное высказывание в смысле предлагаемой здесь концепции - это высказывание не о существовании, а о возникновении какого-то обстоятельства, причем, под "возникновением" понимается не то, что обусловлено внешними причинами, а возникновение. Происходящее внутри процесса познания.

Таких примеров при желании можно привести много. Так, понятия "существование", "присутствие", "бытие", "предмет", "обстоятельство", "переживание", "дело", "вещь" употребляются в приведенных примерах с

оговоркой, что человек к тому, что они означают, находится в репродуктивном отношении, в таком, в котором он не связывает себя продуктивно с их проявлением и исчезновением.

Все изложенное, как и другие сходные теории, свидетельствует о том, что революционизирующее значение идей Рудольфа Штайнера о действительности и познании до сих пор остается незамеченным теоретиками науки и исследователями ее коренных вопросов. Одна из причин этого состоит в том, что пока еще почти никто из тех, кто пришел в науку после Рудольфа Штайнера, не задумывался над тем, какие поистине неизмеримые последствия могут иметь его идеи для всей науки, а, стало быть, и для нашей культуры.

2.

В дальнейшем мы попытаемся, опираясь на отдельные указания (принадлежащие к более широкой общности), дать впечатление об эпохальном значении той новизны, которую Рудольф Штайнер внес в гносеологию.

Идея *творческого познания*, как известно, основывается на следующих фактах:

1. Путем душевного наблюдения МЫ способны прояснить для себя сущность и действие нашего познания.
2. Оба основополагающих элемента - восприятие и понятие, - соединяемые в акте познания, проявляют при душевном наблюдении ряд характерных признаков.
3. Из этих признаков мы выбираем для "восприятия"¹⁸ следующее - оно выступает без нашего участия и без всякой связи с чем-либо.
4. Рядом с этими двумя негативными признаками мы ставим два позитивных - мышление выступает только в результате нашей собственной деятельности и как организм самосвязующихся элементов (т.е. как взаимосвязь без каких-либо дополнительных связующих средств иного типа).
5. Восприятие и мышление поставляют нам элементы, при соединении которых в процессе человеческого познания возникают подлинные вещи, процессы и существа. Только в результате объединения определенных наблюдаемых частей сферы восприятия с соотнесенными с ними элементами сферы мышления возникают такие образы, по отношению к которым можно употребить понятие "действительного". Именно связь этих элементов и представляет собой действительность. Соответственно, (полной) действительностью может считаться только совокупность (наблюдаемого) восприятия и (образующего понятия) мышления. И она не может быть репрезентирована одним из этих элементов.

6. В сфере обоих основных элементов - восприятия и мышления - своеобразную роль играет человеческая организация. Ее можно понять полностью только при обозрении всего процесса познания в целом. Обратим внимание на две черты, характеризующие функцию человеческой организации. Одна из этих черт выявляется, когда наблюдают, что и каким путем человеческая организация доставляет внутренние и внешние восприятия познающему человеку. Она их доставляет описанным в пункте 3 образом без нашего участия и без связи с чем-либо. Поэтому она оказывает негативное воздействие на полную действительность. Ибо она подавляет ее другую составную часть, функцией которой является создание взаимосвязей. Этой другой составной частью являются понятия мышления. Это подавление связи есть один из признаков, который нам хочется выделить для характеристики функции человеческой организации. *Другой* выделяемый нами признак можно усмотреть при наблюдении за мышлением. Поскольку мышление прибавляет к бессвязным восприятиям определенные взаимосвязи, то при его выступлении противоположное воздействие должно отступать. Значит, оно оттесняет человеческую организацию. Тем самым мы осознаем оттесняемость как еще один характерный признак человеческой организации. Таким образом, человеческая организация является оттесняемым в своей функции через мышление посредником между элементами, возникающими в процессе познания без содействия познающего и без связи.

7. Эта характеристика человеческой организации противоположна широко распространенным взглядам на ее функцию и свойства, которые мы обычно понимаем под восприятиями или чувственными впечатлениями. Наши восприятия, ощущения или переживания, как правило, рассматриваются в виде аффектаций субъекта, то есть впечатлений и влияний на организацию воспринимающего человека благодаря воздействиям, которым он подвергается со стороны воспринимаемых им вещей. В смысле гносеологии Рудольфа Штайнера, напротив, сфера (внепонятийного) восприятия представляется не аффектацией субъекта, а расчленением объекта, т.е. подавлением нашей организацией понятийной составной части подлинной действительности.

8. Человеческую организацию поэтому можно охарактеризовать двумя отрицаниями: во-первых, подавлением (отрицанием) понятийной составной части полной действительности и, во-вторых, ее оттеснением (отрицанием) через мышление. Таким образом, мы соотносим себя с полной действительностью благодаря такому процессу, который можно назвать отрицанием отрицания (двойным отрицанием), а именно - благодаря оттеснению организации и тем самым устранению исходящего от нее подавления понятийной составной части полной действительности. Гегелевское двойное отрицание, выступающее у него лишь как логический принцип (поскольку в процессе мышления вначале отдельно изолируются из взаимосвязи, и потом, по мере раскрытия своего содержания, вновь включаются в нее), в феноменологии сознания Рудольфа Штайнера является результатом антропологических исследований.

9. В соответствии со сказанным, человеческую организацию можно наделить двумя негативными признаками: 1) она не передает полную действительность, 2) она, тем не менее, *не может* (в силу ее подавляемости мышлением) помешать проявлению мышления в человеческом сознании, а значит не может воспрепятствовать человеческому познанию. Поэтому человек мыслит и познает не *без* участия, но именно *вопреки* своей организации.

10. Обоим этим отрицательным признакам можно противопоставить две позитивные черты при определении той деятельности, с помощью которой человек связывает себя с мышлением. Эта деятельность, во-первых, подготавливает появление мышления в человеческом сознании. С этой подготовкой мы уже познакомились как с феноменом оттеснения человеческой организации. Благодаря этому оттеснению как бы освобождается место для мышления. Эта же деятельность связывается, во-вторых, с мышлением, которое и наполняет освобожденное место смысловым содержанием.

11. Собственно мышление, в свою очередь, также можно охарактеризовать (в силу этой двойственной деятельности) двумя позитивными признаками: во-первых, оно производится человеком (см. пункт 4) и, во-вторых, оно восстанавливает расчлененную человеческой организацией действительность в человеческом познании.

12. Можно еще лучше уяснить себе значение этих двух признаков, формулируя их в негативной форме. Во-первых, мышление *не субъективно*, потому что оно производится человеком именно в условиях оттеснения им своей организации. Можно было бы подумать, что тут имеет место как раз обратное, т.е., что мышление субъективно, потому что оно создается человеком. Это действительно было бы так, если бы мышление было продуктом человеческой организации. Но оно выступает в результате оттеснения этой организации. Субъективным оно могло бы быть также в том случае, если бы возникало в результате воздействия на человека. Ведь тогда это воздействие определялось бы теми условиями, которые складываются из особенностей самого человека. К этому добавляется еще одно свойство мышления (оно упоминалось в п. 4), в силу которого его элементы (понятия) сами связываются друг с другом. То есть, законы мышления не добавляются к нему произвольно как еще одна его составная часть. Напротив, они являются его собственными внутренними условиями: т.е. мышление само по себе есть взаимосвязь. Следовательно, для мышления характерно как раз обратное тому, чем являются для нас факты, воспринимаемые нами без нашего содействия. Мы не можем их создавать, но можем их изменять. (И восприятие звездного неба мы можем изменить путем смены параллакса в результате изменения пункта наблюдения.) Мышление, напротив, мы способны и даже обязаны производить, но мы не можем его изменять. Во-вторых, мышление *не абстрактно*, так как его элементы (понятия) носят всеобщий характер, пока они не соотношены с определенными восприятиями. Снова можно было бы подумать, что здесь должно

иметь место как раз обратное. Ибо, согласно широко распространенному представлению, общие понятия находят путем абстрагирования одинаковых или существенных признаков отдельных конкретных фактов. Однако, поскольку двух одинаковых восприятий не бывает, и подобия так же являются понятийными определениями, и к тому же, восприятия, по причине их несвязанности друг с другом, сами по себе не способны выявить разницу между существенным и несущественным - то есть и здесь речь идет о понятийном определении, - постольку общие понятия невозможно найти путем абстракции.

13. Последнее замечание заставляет нас обратить внимание на еще одно свойство человеческого познания. Коль скоро на основе душевного наблюдения оно было определено как элемент, связывающий восприятие с понятием, то понятия должны быть соразмерны с восприятиями. Это приспособление может происходить только в отдельных актах соединения восприятия с понятием. Ибо общие понятия сами по себе не обнаруживают свою связь с теми или иными восприятиями. Такое приспособление происходит на самом деле внутри процесса познания. В этом нас убеждает в частности то, что после такого соединения мы обладаем уже не просто общим понятием, но также его особой формой, приспособленной к данному случаю. В результате процесса соединения мы имеем не только общее понятие, скажем - "дерево", но и его особую форму, приспособленную к определенному дереву. Такое приспособление Рудольф Штайнер называет индивидуализацией понятия. В противоположность общим понятиям, индивидуализированные понятия суть *представления*. Ибо в результате индивидуализации мы можем представить себе познанное, можем запомнить его. Стало быть, представления - это субъективные представители действительных вещей. Они выведены, абстрагированы от общих ПОНЯТИЙ. Следовательно, в противоположность широко распространенным взглядам на процесс абстрагирования, приходится определять признаки конкретного и абстрактного.

Не общее выводится из частного, а частное из общего, соответственно максиме Гете: "Что есть общее? ЕДИНИЧНЫЙ случай. Что есть частное? Миллионы случаев".¹⁹

14. Здесь можно было бы выдвинуть следующее возражение. Оно касается того неоспоримого факта, что мы в детстве приобретаем свои понятия лишь постепенно, сталкиваясь с фактами восприятия. Хотя это и верно, из этого не следует, что мы абстрагируем наши понятия из воспринятых нами вещей. Наоборот, мы убеждаемся при этом, что стимул исходит со стороны восприятия и заставляет нас отыскивать понятия. Именно таким образом учимся мы нахождению соответствующих понятий, т.е. фактически их продуцированию и, кроме того, применению понятий к сфере воспринимаемого, в результате чего и возникают индивидуальные представления. Мы открываем область воспринимаемого, поначалу не обозримую благодаря тому, что пронизываем ее постепенно понятиями и в то же время позволяем ей оказывать на них индивидуализирующее влияние.

15. Это наполнение воспринимаемого понятиями (при одновременном наполнении понятий содержанием воспринимаемого), согласно сказанному, является восстановлением расчлененной действительности. Следовательно, человек не сталкивается с готовой и созданной без его участия действительностью. Представ перед такой действительностью, он мог бы просто составить себе более или менее похожее отображение или же не составить его. Между тем, душевное наблюдение процесса познания показывает, что человек в этом процессе не репродуцирует действительность в своем сознании, а производит, продуцирует ее. Значит, познание есть также и осуществление (реализация). Действительность же есть акт выражения человека - результат формообразующей силы его познания. Тем самым, однако, доказывается и то, что человек как познающее существо находится не вне, а внутри действительности.

16. Изложенное проливает свет на два эпохальных достижения Рудольфа Штайнера. Благодаря его гносеологии, теория познания вопреки стереотипам мышления того и нашего времени, получает удивительное дальнейшее развитие - она становится наукой действительности, онтологией. Но Рудольф Штайнер не только превратил теорию познания в онтологию, но и довел логику в ее развитии до уровня этики. Ибо указанием на то, что человек как познающее существо продуктивно соотносится с мышлением и , стало быть, с действительностью, он доказал также, что человек способен к свободе в той мере, в какой он действует на основе познания. Ведь человек, как познающее существо не находится под воздействием заранее заданной ему действительности и телесности, но, наоборот, черпает импульсы для своих действий из возникающей с его участием действительности в условиях оттеснения собственной организации. Поэтому, когда он действует исходя из познания, он не подчиняет себя влиянию определяющей его (извне и изнутри) действительности, но запечатлевает в ней свои собственные определения. Тем самым он продолжает в своих действиях акт выражения своего познания. Эстетический элемент, как решающая сущностная черта человечности, пронизывает всю сферу человеческого бытия.

Здесь мы прервем эскиз науки познания, созданный Рудольфом Штайнером, хотя она и была изложена в весьма упрощенной форме и далеко не исчерпана. Но и этих намеков достаточно, чтобы вычленил те вопросы и следствия, которые составляют основное содержание данной работы.

3.

Легко понять, что в связи со штайнеровской характеристикой человеческого познания, кратко изложенной выше, необходимо поставить несколько серьезных вопросов. Некоторые из них наряду с попытками ответить на них будут изложены ниже.

1. Один из самых коренных вопросов касается сомнения в том, являются ли верными данные Рудольфом Штайнером характеристики восприятия и мышления, т.е. соответствуют ли они неподдельным данным наблюдения. Ведь они же противоречат общим привычкам мышления и языка. Ибо мы полагаем и утверждаем, что видим предметы, т.е. связи, воспринимаем движения, т.е. опять-таки нечто обобщенно связанное, а также улавливаем ощущения, т.е. вновь имеем дело с очень сложными общностями. Во всех этих случаях мы должны были бы, если характеристики Рудольфа Штайнера верны, говорить скорее о реализации определенного образа, а именно о его возникновении на основе мысленного проникновения в его воспринимаемые составные части. Ответ на это сомнение, который потребовал бы подробного объяснения можно здесь дать лишь в общих чертах. Между тем стоит лишь раз внимательно рассмотреть существо дела, чтобы увидеть его общее значение²⁰. Ведь вполне возможно различить между тем, что выступает без нашего участия, и тем, что возникает только благодаря нашему участию. Ибо в одном возможно отречение от деятельности, в другом - нет. Значит, если мы хотим уяснить возникающее без нашего участия, мы должны воздержаться от какой бы то ни было деятельности. А мы в нашем обыденном сознании, однако, уже подсознательно наделили понятиями и представлениями все те вещи, которые мы выбрали объектами своего наблюдения. И так мы должны отказаться от этих мыслительных элементов, если мы хотим постичь выступающее без нашего участия. Когда мы утверждаем, что "видим" некую "красную" плоскость, то мы на самом деле связываем бесчисленное множество восприятий, которые называем "красными", прибегая к понятию плоскости. Однако и тогда, когда мы называем "красными" эти пространственно бессвязные восприятия, мы упорядочиваем их с помощью этого понятия, сводя их в определенные связи. Мы ставим их в сферу зрительных восприятий, внутри которой мы, кроме того, отводим им определенное место и в результате отделяем их от других сфер восприятия (например, от слуховой). Но этим же мы наделяем воспрятийное, определяя его понятийно некой характеристикой нашей (сознательной или подсознательной) реализации. Но все эти связи и различия возникают в результате нашей мыслительной деятельности. И значит, повсюду, где мы осознаем какую-то связь, мы, благодаря нашей деятельности, выходим за пределы данного нам без нашего участия. Следовательно, не подлежит сомнению, что воспринятое (в силу отсутствия каких-либо понятийных определений) не может быть ни пространственным, ни временным. Когда это ясно понимается, тогда сразу же видно, что предметы и процессы любого рода являются для наблюдения сферами бесчисленных, ни чем помимо мышления не связанных восприятий. Здесь мы оказываемся перед дискретным монадологическим элементом действительности. Каждое такое восприятие в этом отношении является полностью лишенным определенности. При этом, конечно, рассматривая содержание понятий "каждое" и "лишенное определенности", мы уже выходим далеко за рамки чисто воспрятийного. Если можно было бы брать понятия только в их содержательном значении, то о восприятии вообще нельзя было бы говорить. Однако, эту трудность можно избежать, применяя один из разработанных Рудольфом Штайнером приемов. Ведь понятиями можно пользоваться не только в их содержательном аспекте, но и в значении направления взгляда²¹. Совершенно неопределенные восприятия

предстают перед нами как полностью определенные и бесконечно определяемые своеобразия, как только мы связываем их с принадлежащими им понятиями. Такая определяемость, создаваемая свободно множащимися, но индивидуализированными в силу воспринимаемого своеобразия связями, вообще характерна для монадологических элементов действительности. Таким образом, мы можем применить к восприятию опять-таки только направляющее взгляд понятие "неопределенное своеобразие". В отличие от этого дискретного элемента действительности, понятия в силу самообретаемой связности представляют собой непрерывный универсальный элемент действительности. При связывании восприятий и понятий последние соответственно индивидуализируются, а восприятия универсализируются.

2. Если это усвоено, то немедленно с особой настойчивостью встает древнейший вопрос о признаке, или критерии истинного. С очевидностью речь идет здесь не об *одном*, а о *двух* вопросах. На эту двойственность вопроса о критерии истинного указывал еще *Лейбниц*, различая "verites de raison" (истины разумные) и "verites de fait" (истины фактические). Это различие основано на том, что в познании речь идет не только о связях между понятиями и восприятиями, но также и о связи понятий с понятиями. В соответствии с этим Рудольф *Штайнер* различает воспрятийные суждения и понятийные²². В отношении этих двух форм суждений, являющихся способами реализации, должен ставиться вопрос об их истинности. Существуют ли возможности оценки, критерии, признаки на основании которых в обоих случаях можно решить, верны ли суждения или нет. Это в равной степени относится и к сознательному суждению, и к постоянному подсознательному пронизыванию вещественно воспринимаемых элементов нашего познания и переживания понятийно-формирующими элементами. К тому же, мы теперь видим, что когда мы заявляем о восприятии нами какой-то вещи, мы должны говорить не только о том, что "мы реализуем эту вещь", но и что "мы выносим (сознательно или подсознательно) воспрятийное или понятийное суждение". Не стоит особо подчеркивать, что речь здесь идет об одном из важнейших вопросов науки, но и нашей личной жизни (практики) познания. К тому же здесь, как станет более понятно из последующего, мы сталкиваемся с важнейшими решениями вопросов мировоззрения и общественной жизни. Значение этих вопросов издавна признано и в философии, и во всех областях науки. Это в той же мере относится и к сегодняшней ситуации в науке. Один весьма проницательный представитель современной теории науки замечает по этому поводу: "Вряд ли стоит тратить слова, говоря о значении экспликации понятия истины, принимая во внимание, что все наши усилия в области познания направлены на то, чтобы добиться истинных суждений или высказываний"²³.

Не вдаваясь в существо давно идущего спора о философском определении истинного, вкратце коснемся некоторых последствий учения Рудольфа Штайнера о познании. При этом оказывается, что и здесь, как и во многих других областях,

превосходно использованный им метод душевного наблюдения приводит к ясным выводам, тогда как научная дискуссия до сих пор не пришла к общему согласию.

4.

Начнем со связи понятий с понятиями, т.е. с *понятийных суждений*. Для характеристики критерия истинности относительно понятийных суждений мы используем одно из наиболее спорных (с тех пор, как его ввел Франц Брен- тано) понятий в философии нашего времени, а именно - понятие *очевидности*. Нынешнее состояние дискуссии о понятии очевидности можно охарактеризовать следующим высказыванием Г.Шольца: "...до сегодняшнего дня еще не удалось... уточнить постулат очевидности"²⁴. Между тем Рудольф Штайнер, основываясь на результатах наблюдения дал поразительную краткую и весьма богатую следствиями характеристику понятия очевидности.

Для начала вспомним уже приведенную выше характеристику мышления. Следуя ей, подозрение о том, что мышление субъективно, может быть отброшено на основании того, *что и как* (в какой связи и с какими последствиями) оно производится. Связывая с этим другой признак мышления, что понятия соединяются не с помощью какого-то постороннего скрепляющего их средства, а на основе собственных внутренних связей, мы неожиданно получаем совершенно новую характеристику очевидного. Поскольку же содержательные элементы мышления соединяются сами собой и раскрывают свое содержание лишь благодаря этой взаимосвязи, понимание мышления может основываться только на наблюдении взаимосвязей, в которых понятия являются сами собой. Мышление, переживаемое интуитивно, "есть восприятие, в котором действителен сам воспринимающий, и оно есть самоосуществ- ление, которое в то же время воспринимается"²⁵. Сформулированная таким образом характеристика интуиции является в то же время и характеристикой очевидного, понимаемого, прозрачного. Ибо она говорит о том, что интуитивному произведению мышления характер дает произведенное. Также при наблюдении восприятийных элементов действительности наблюдающему вниманию характер сообщают *свойства наблюдаемого* ²⁶. Но такое определение наблюдающего внимания через наблюдаемое поначалу, пока речь идет о чистых восприятиях, носит, как и они сами, характер неопределенного своеобразия. Лишь в той мере, в какой своеобразия восприятияной сферы раскрываются в результате их соединения с понятиями, дифференцируется и наполняется также и обращенный на них акт наблюдения.

По иному складываются обстоятельства в случае чистых (общих) понятий. Относительно подхода к общим понятиям, или праобразам (поскольку представления и пронизанные ими предметы являются их отражениями) Рудольф Штайнер дает следующее методическое указание: позвольте представлениям, которые являются индивидуализациями какого-либо (общего) понятия (например,

понятия треугольника), переходить друг в друга; держите этот процесс в постоянном движении и наблюдайте за ним. Тогда в этих, превращающихся друг в друга представлениях можно наблюдать типичную закономерность, некое водительство, которое определяет производимое движение и до тех пор, пока мы следим за ним, препятствует соскальзыванию в другую сферу представлений. Это внутреннее управление не представлено и не представимо, но все-таки открывает свой характер наблюдающему взгляду, производящему в то же время наблюдаемое им. Внутреннее управление движением представлений как бы отражается и в производящем его взгляде, но таким способом, который сам создает себе "зеркало". Таким образом рассмотренное непосредственно открывается рассматривающему, в противоположность опосредованному обнаружению восприятий. Путем такого непосредственного самопроявления мысле-содержания созидающий взгляд определяется в своей функции, т.е. и со своей стороны оказывается созданным. Ибо он не может произвольно определить то, что он производит, а только в той мере, в какой произведенное определяет само себя. Таким образом, произведенное наделяет его своеобразием. Это взаимопроизведение образно можно назвать взаимоузрением. Ибо производящий взгляд как бы контролируется производимым со своей стороны взглядом произведенного. Это состояние взгляда-во-взгляде как раз есть состояние *очевидности*, прозревания того, чем прозревается человек, и есть обмен сущностями, в котором в результате упразднения разделения существ, не остается ничего постороннего и, стало быть, незрелого, - тем более, что прозревающий этим получает внутреннее просветление, которое озаряет его обыденное сознание.

В предыдущем изложении *очевидность* была охарактеризована как критерий истинности понятийных суждений. Этот критерий свидетельствует, что понятийные суждения истинны тогда и только тогда, когда включенные в них понятия соединяются лишь на основе того, что узревается; когда в дальнейшем ничего не узревается, что не было бы произведено, и когда, кроме того, производится только то, что со своей стороны производит направленный на себя взгляд.

Это сознание взгляда-во-взгляде сравнимо с так называемым "восприятием чужого", т.е. с осознанием Я другого человека. Переживание взаимопонимания между людьми возникает не потому, что каждый из партнеров образует собственные мысли о другом. Из этого можно прийти лишь к убожеству дискуссий или, в случае решения большинством, к "снятию мерки" заранее изготовленными шаблонами и к распоряжениям по этому образцу. Подлинная коммуникация устанавливается только тем, что каждый мыслит мысли другого и наблюдает при этом, как его собственное движение мысли погашается движением мысли другого. Благодаря этому и возникает подлинное восприятие Я ближнего. Но воспринимаемый при этом также переживает, как его воспринимают, и в свою очередь воспринимает относящееся к нему восприятие. Однако, переживание совпадения - "воспринимаю воспринимаюсь" - обрывается; его очевидность гаснет, как только воспринимаемый больше не принимает воспринимающего так, как он принимается им.

Переживание очевидного на основе собственного опыта душевного наблюдения прекрасно выразил И.-Г. Фихте:

Вот то-то и оно: в Урании очах
Я раз увидел в тихом упоеньи
Огонь далекий, ясный, тихий, чистый.
С тех пор во мне те очи глубоко,
Навечно стали сущностью моею,
Живут во мне и зрят моим же оком.

Очевидность как критерий истинности имеет преимущественно *два* следствия. Одно из них носит научно-теоретический характер. Оно сводится к тому, что понятийные суждения лишь тогда истинны, когда они очевидны, т.е. когда они образовались интуитивно. Точнее это имеет следующее значение: понятийное суждение истинно только тогда, когда связь между понятиями осуществляется исключительно на основе произведения, ведомого ими самими, т.е. когда интуитивная очевидность - произведенность через произведенное - нигде не прерывается под влиянием представлений, принадлежащих к другим связям. Поэтому не может быть истинным, например, такое суждение: "Мир есть каким-то образом построенная связь материальных тел или материально (т.е. совершенно несравнимо с душевной жизнью человека) мыслимых сил". Это суждение не может быть истинным, потому что "мир" как понятие универсальной связи не соединяется само по себе отношением идентичности с какой-либо частичной связью, какой является связь материальных элементов. Это суждение ложно, поскольку оно не очевидно в той мере, в какой речь идет о его чисто понятийном содержании. Против этого можно было бы возразить, что подобная критика носит сугубо теоретический характер и потому якобы не имеет значения для "действительности". Ведь существование материального и его взаимосвязей якобы доказано, и с давних пор является объектом тщательных и вполне успешных исследований. Напротив, существование связей иного порядка будто бы не доказано, и поэтому о нем якобы можно только догадываться. Если бы это было так, то о равенстве "мира" с "материей" можно было бы говорить лишь как о гипотезе. Между тем использование критерия истинности дает здесь иной результат. В первой формулировке этого суждения то, о чем идет речь, а именно, исключительность существования материального, полагают заранее. Но если исходить из того факта, что существуют такие элементы, которые называют материальными, и что взаимосвязи доказаны исследованиями, и если к тому же предположить, что никаких связей иного рода не существует, так как они, мол, неизвестны, тогда вопрос об истинности такого суждения, применяя критерий очевидности, получит следующий ответ: связи материального - это связи особого рода. Поэтому речь идет здесь уже об индивидуализированном понятии, т.е. о

представлении, поскольку высказывание касается материального. Но тут следует принимать во внимание, что индивидуализация происходит постепенно.

(Это можно сравнить с тем, что сказано ниже о постепенном "пристегивании".) Постепенная индивидуализация представляется наблюдению как прогрессирующее подчинение понятий друг другу в направлении индивидуализации (образования представлений). Таким образом, например, понятию "дерево" будет подчинено понятие "ель". С точки зрения подчинения можно, следовательно, отличать содержание представления в мыслительных образованиях от его общепонятийного содержания. Поэтому понятие можно рассматривать, с одной стороны, учитывая его ранг в той или иной духовной структуре, а с другой - оценивая его приближение к индивидуализации. В этом смысле в понятии "связи материального" можно усматривать различие между содержанием представления и общепонятийным содержанием. В случае с понятием "связи материального" общепонятийное содержание предстает как метаморфоз общего понятия "связь" (которое имеет более высокий ранг). При использовании критерия очевидности исключительно это и оказывается вполне допустимым (истинным) суждением. А все связи, как мы видели, носят мыслительный (духовный) характер. Связей иного рода не существует. Поэтому следует выводить не духовное из материального, а наоборот - материальное из духовного. Отсюда связи материального суть особые (частные) формы всеобщей духовной связи. Только это суждение очевидно.

Второе следствие носит мировоззренческий и событийный характер. Ибо очевидность показывает, что человек способен к видению сверхчувственного (т.е. того, что не сообщается ему его организацией) в принципиально защищенном от заблуждения виде. Защита от заблуждения состоит в соблюдении принципа очевидности. Из этого вытекает (помимо прочего), что духовный опыт не дается без собственной деятельности человека, но является действиями, которые в то же время носят характер объективности, потому что в них производится производящий. Принцип очевидности далее свидетельствует о том, что человек предрасположен к тому, чтобы ощущать себя гражданином духовного мира, в подлинном обмене существами переживать этот мир. Ощущение родины указывает ему направление пути познания, идя по которому он, руководствуясь принципом очевидности, может проникать в духовный мир.

5.

Обратимся теперь к *восприятийным суждениям*. Вопрос об их истинности сводится к тому, каким образом соединяются оба элемента действительности - восприятие и понятие. Существует ли возможность оценки того, являются ли оба эти элемента истинными, т.е. можно ли их объединять, не искажая при этом действительности? Если исходить из основополагающих идей гносеологии, то ответ и на этот вопрос оказывается неожиданным и весьма богатым последствиями. В случае *восприятийных суждений* в качестве критерия

истинности мы вводим инструмент, хорошо известный в познавательной практике современного человека и очень важный для развития естественнонаучных исследований, а именно - понятие *эксперимента*. Восприятийные суждения всегда истинны, когда они являются результатом познавательного эксперимента.

Объяснению понятия экспериментального образования суждения способствовали бы, пожалуй, следующие указания. Восприятийное суждение может быть с истинным лишь тогда, когда оба соединенных в нем элемента не были фальсифицированы уже до их соединения и когда далее в процессе этого соединения суждение не подвергается фальсифицирующему влиянию. Поэтому критерий истинности должен относиться как к элементам, так и к процессу соединения. В не искаженности элементов можно убедиться, если учесть те признаки, которые их характеризуют. Чистое восприятие, как мы видели, мы получаем в том случае, когда воздерживаемся от всякой собственной деятельности. Это бывает тогда, когда мы целиком передаем себя нашей организации, но одновременно внимательнейшим образом контролируем свое поведение и с таким же вниманием следим за воспринимаемым, появляющимся при таком поведении без нашего участия. Когда это удастся, тогда мы можем быть уверены, что воспринимаемый нами составной элемент, входящий в наше суждение, не будет смешан еще до вынесения суждения - сознательно или подсознательно - с представлениями или предпосылками. Примером такого предвосхищения предпосылок и представлений является предположение, будто все воспринимаемое нами является материальным, или что воспринимаемое нами осознавалось бы за счет изменений в нашей нервно-чувственной системе, вызванных принципиально невоспринимаемыми силами. Познавательное поведение относительно воспринимаемого должно, следовательно, удовлетворять требованию высочайшей познавательно-моральной воздержанности. Это поведение должно носить характер полной бездеятельности при сохранении самого сосредоточенного внимания. Насколько бывает трудно удовлетворить такое требование, познающий не всегда способен осознать в достаточной мере. Предупреждение, содержащееся в следующих вопросах Гёте, могло бы быть для современного ученого крайне достойным внимания: "Кто может сказать, что у него есть склонность к чистому опыту? Каждый полагал, что он следует настойчивым советам Байкона, но кому удавалось это?"²⁷. Это требование "чистого опыта" следует из того, как воспринимаемое предстает душевному наблюдению.

Из особенностей понятийного элемента следует противоположное познавательно-моральное требование. В то время как удовлетворить восприятийное можно только при полном отказе от всякой собственной деятельности, от любых попыток предвосхитить результаты суждения, для мышления характерно как раз обратное. Лишь выполняя требования непрерывной образующей понятия деятельности, мы удовлетворяем условие, предъявляемое в этом плане нашей активности. Эта активность выражается в никогда не прекращающемся внутреннем движении, в ходе которого мы вновь с предельным вниманием следим за тем, чтобы избежать расслабленности и вялости. Ведь только при таком настрое сознания мы (как следует из вышесказанного) в состоянии судить о том, что складывается из самих

понятий, из их собственных связей, и не вкрадывается ли что-то по нашему недосмотру, или, в силу предвзятости и привычки мышления, из других связей или под влиянием нашей организации. Лишь в этом случае мы выполним требование очевидности, узревая узреваемое нас.

Оба эти противоречащие друг другу познавательно-моральные требования, которые нам нужны для *подготовки* воспрятийного суждения, Гете представлял себе как необходимость "хорошо рассматривать" и "ясно понимать" наблюдаемое. Он выражает это следующим образом: "отсюда самое лучшее, если мы сами как можно больше познаем вещи, наблюдая за ними и размышляя о них". "Испытывая природу [как в большом, так и в малом], я постоянно задавал себе вопрос, кто высказывается здесь - твой предмет или ты сам? В том же смысле я испытываю своих предшественников и сотрудников"²⁸.

После этих приготовлений можно попытаться связать друг с другом "хорошо рассмотренные" и "ясно понятые" элементы, т.е. образовать воспрятийное суждение. Точка зрения, которая здесь необходима, достигается благодаря наблюдению. Мы помним, что общие понятия при соединении с принадлежащими им комплексами восприятия индивидуализируются. При этом важно понимать (ориентируясь на результаты наблюдения), что эта индивидуализация, коль скоро она не фальсифицирована, не производится познающим. Наоборот, этот последний, приближая понятие к восприятию, дает лишь повод к тому, чтобы этот процесс совершался в рамках реализации соответствующего образа. Значит, индивидуализация осуществляется не через субъект, а через объект познания. Она результат того влияния, которое оказывает воспринимаемое на понятийную сторону образа, возникающего (реализуемого) в ходе познания. Она показывает, каким образом понятие держится восприятием, т.е. вычленяется из способной по множеству проявлений подвижности прообраза, от которого оно (понятие) абстрагируется в виде представления. Этот процесс совершается незаметно в ходе преимущественно подсознательного образования воспрятийных суждений, которые как предметы нашего мира выступают перед нашими глазами. Однако этот процесс *можно* наблюдать. Когда мы сталкиваемся с каким-то предметом, мы начинаем с того, что сперва набрасываем на него самые общие понятия, словно вуаль, из-под которой он постепенно становится различимым в течении наблюдения. Представить себе более наглядно происходящее при этом, вероятно, поможет следующий бегло набросанный пример этой последовательности: вещь - дерево - это дерево - лиственное дерево с листьями определенной формы - липа - эта липа присущей ей определенной формы, которая в дальнейшем процессе наблюдения вместе с ее положением в определенном окружении все более и более проясняется (индивидуализируется и в то же время универсализируется). На протяжении этого наблюдения, которое лежит в основе любой нашей реализации, мы прикрепляем набросанные и развертывающиеся друг из друга вуали во все более многочисленных местах к сперва еще неопределенным многообразиям, которые представляются нам со стороны воспринимаемого. Мы способствуем этому "прикреплению" тем, что управляем нашим наблюдением и одновременно стараемся связывать вуали с наблюдаемыми местами. (В случае с

непространственными образованиями, например, чувствами и настроениями, такие "места", конечно, тоже не будут носить пространственный характер). Чтобы вуаль прикреплалась, ее нужно удерживать со стороны восприятия. Такое удерживание имеет решающее значение для правильности нашей попытки прикрепления. Это удерживание можно назвать *подтверждением* попытки прикрепления. Но это подтверждение не может быть осуществлено, его можно только наблюдать. Рудольф Штайнер называл его индивидуализацией понятий. Оно соответствует образованию представлений определенного вида, а именно тех, которые всегда образуются при реализации безусловно полученных восприятии. Поскольку они отличаются и от представлений-воспоминаний, соотнесенных с прошлым, и от представлений цели, соотнесенных с будущим, их можно было бы назвать "присутствующими" (*inhdgent*) или представлениями настоящего.

То, что присутствующие представления являются объективно сложившимися, в большинстве случаев не замечается, поскольку под представлениями, как правило, понимают только субъективно сложившиеся формы (например, представления воспоминания, ожидания, догадки, фантазии, цели). Однако, различия представлений, сформированных со стороны объекта и сформированных со стороны субъекта имеет величайшее значение для выяснения истинности восприятийных суждений. Привычный нам мир наполнен огромным количеством подсознательно объективно-сформированных представлений. Сознательное введение в формирование объектно - т.е. восприятию сформированных представлений и наблюдение за этим - задача, которую приходится решать в случае восприятийных суждений. Это требование и соответствующий ему критерий опять-таки вытекают из наблюдения за формированием действительности в познании. Соответствующее действительности поведение при формировании восприятийных суждений можно теперь охарактеризовать на основе изложенного следующим образом, формирование восприятию суждения должно быть, как описано выше, подготовлено воздержанием от деятельности относительно восприятия и активизацией деятельности относительно мышления. За этой подготовкой может следовать экспериментальное формирование суждения таким образом, что, при попытке применить несколько подходящих понятий, проверяется их уместность. Эта проверка касается вопроса, какое из этих понятий принимается восприятием. Такое "принимание" со стороны восприятия наблюдается как удерживание "предложенного" восприятием понятия. "Принимание" выражается в образовании объектно-сформированных представлений. Процесс формирования суждения - такой же, как и в случае эксперимента. Ведь оцениваемому восприятию (комплексу восприятию) понятия "предлагаются" до тех пор, пока предложенное не будет принято и в результате не возникнет присутствующее представление. Для того, чтобы суждение при этом не искажалось, высказывающему суждение следует в процессе формирования представлений неукоснительно воздерживаться от любых дополнений субъектно- сформированными представлениями. То есть суждение не образуется представляющим, а лишь подготавливается и вводится им, а затем *наблюдается* как процесс, происходящий в действительности. Образование объектно-сформированных представлений, есть *подтверждение* суждения. Таким же является результат успешного эксперимента. Когда эксперимент оказывается

неудачным, необходимо провести новый эксперимент или же отказаться от суждения. Сформированное соответствующее действительности восприятийное суждение не действие формирующего суждения субъекта, а наблюдение объективного процесса.

Для объяснения процесса экспериментального образования может служить следующий пример. Когда Гете замечает, что падающий лист часто подобен птице, то, на первый взгляд, это может показаться чем-то лишним и потому странным. Но, серьезно подумав, мы понимаем, что это замечание относится к числу тех методологических размышлений, которые постоянно занимали Гёте и представляли собой важнейшие предметы, на которые мог направить свой интерес любой ученый. Здесь на первое место среди всех остальных ставится вопрос формирования истинного, соответствующего действительности суждения. Но это случается тогда, когда мы хотим выявить причину ошибки, заблуждения. Однако, в этом примере вовсе не восприятия оказываются ошибочными. Они такие, какие есть, и сами по себе не бывают ни "ошибочными", ни "верными". Ибо они не имеют никаких понятийных определений. Также и понятие "птица" вовсе не является здесь ошибочным, так как оно вполне правильно и в полной мере показывает его связь с кругом понятийных образов, к которому оно принадлежит. И несправедливо было бы осуждать попытку взять это понятие для образования суждения, так как подобная попытка допустима в отношении любого понятия. Нельзя также и сомневаться в приемлемости этого понятия для данного случая, поскольку здесь суждение "птицеподобный образ" было бы уместным. Таким образом, ошибка лежит, очевидно, в самом процессе формирования суждения: ложными оказываются не изначальные составные части суждения, а тот метод, который был к ним применен. Гете формулирует это так: " чувства не обманывают, обманывает суждение"²⁹. Понять эту максиму можно только приняв к сведению приведенные здесь рассуждения об экспериментальном образовании суждений. Но вернемся к нашему примеру. В вечерних сумерках или в какой-то подобной ситуации вполне могут случиться и восприятия, удерживающие закономерную связь такими понятиями (форма, цвет, движение), которые в данном случае иерархически подчинены общему понятию "птица". Тем не менее, соответствующие наблюдения в приведенном примере не создают достаточно гомогенного поля восприятий, которое позволило бы допустить предложенное в попытке суждения понятие "птица" и индивидуализировать его. Нечеткость и неполнота воспринимаемого материала не допускает ни (субъективного) закрепления потенциальной формы "птица", ни (объективного) усвоения формы "лист". Таким образом, суждение оказывается в подвешенном состоянии, потому что соединение образующих его элементов происходит не само по себе. Верное представление о решающем здесь моменте можно составить сразу же, если отбросить предубеждение, будто истинное суждение - это субъективный акт судящего. Выше говорилось о том, что истинная оценка есть процесс внутри действительности, которая пронизывает и человеческую организацию, и процесс человеческого познания в первом случае в фазе ее диссоциации, а во втором - в фазе его формирования.

Спросим себя еще раз, какие общие признаки мы можем сделать на основе приведенного примера для истинного, соответствующего действительности суждения. Когда мы определяем падающий лист как птицу, восприятийной составной части суждения не достаёт воздержания от суждения. А ведь ее главными отличительными чертами, как было указано выше, являются непредубежденность и бодрость наблюдения. Ибо только тогда, когда при формировании суждения мы воздерживаемся от всяких субъективных примесей в процессе охвата восприятийных составных частей, т.е. запрещаем себе вводить элементы, идущие от субъекта, чтобы заполнить пробелы в восприятии и интерпретации их связей, а в то же время проявляем максимальную наблюдательность, следя за нефальсифицированным материалом восприятия, мы способны на самом деле, по словам Гёте, "хорошо рассмотреть" наблюдаемое.

В этом примере понятийной составной части суждения не достаёт продуктивности. Ее главными отличительными чертами являются фантазия и подвижность. Ибо только когда при формировании суждения мы, выясняя имеющиеся для этого возможности, разворачиваем свою фантазию, а понятия одновременно сохраняют свой актуально-функциональный характер, т.е. свою способность к индивидуализации восприятий и приспособляемость к ним, не застывая в уже готовых представлениях и привычках суждения, мы способны, в смысле Гете, "ясно понимать". Истинность суждения и его соответствие действительности обусловлены познавательной моральностью того, кто формирует суждение. Поэтому для образования истинного суждения требуется постоянная готовность судящего к душевному наблюдению, которое контролирует весь процесс формирования суждений и предотвращает как их искажение путем перекрашиваний, которые вводит судящий, так и путаницу связей вследствие ослабления понятийно-структурирующей продуктивности ведущего эксперимент суждения. Только при соблюдении этих условий становится возможно душевно наблюдать суждение как процесс, протекающий в реальной действительности. В глазах наблюдателя оно предстанет тогда как взаимопроникновение двух структурных процессов, как оформление восприятия через удерживаемое им понятие, которое одновременно получит индивидуальную форму через удерживающее его восприятие. Наблюдение проявляющейся действительности как формирование через оформленное в результате успешного эксперимента суждение имеет для познающего исключительно важное значение: он присутствует в процессе формирования, в ходе которого возникают действительные вещи.

Из всего сказанного вытекает в качестве второго критерия истинности принцип *экспериментального подтверждения*, сложившейся в процессе познавательного эксперимента восприятийных суждений. Истинность восприятийного суждения основывается таким образом на соотношении содержащихся в нем элементов представления объектно- и субъектно-сформированных в зависимости от уровня моральной подготовленности суждения.

6.

Нет возможности достаточно подробно останавливаться здесь на очень далеко идущих последствиях этого учения о суждениях. Добавим всего лишь несколько дополняющих и проясняющих фактов.

Против изложенного выше можно было бы возразить, что, мол, описанное образование восприятийных суждений приводит нас только к субъективному переживанию их Я, которое нельзя сообщить другим. Стало быть, это подтверждение не удовлетворяет требованию репродуктивности, которая-де и служит доказательством истинности любого эксперимента. Даже если бы это было так, то вряд ли можно отрицать научную ценность выявления определенной структуры познания. В той же мере нельзя недооценивать и значение, которое придается пониманию тех корней, которыми человеческое познание уходит в действительность. Не только теоретические знания, но те, которые получены в результате собственной познавательной практики об укорененности этих знаний в действительности, придают нам такую жизнестойкость и такое удовлетворение поиска смысла, получить которые нельзя никаким другим путем. И эта уверенность в жизни и ее смысле распространяется и на общественное поведение, действующего на основе познания человека.

Эта бегло очерченное учение (теория) о суждении является также и методологической директивой, имеющей большое значение, особенно в затруднительных случаях формирования суждений. В рамках сегодняшней научно-теоретической дискуссии постулат об *экспериментальном формировании* суждений равноценен, пожалуй, открытию новой земли.

Неверно было бы также утверждать, что экспериментально полученное подтверждение суждения нельзя сообщить на другим. Но это, конечно, может быть доказано с достаточной четкостью только при рассмотрении многочисленных примеров. Здесь можно только сказать, что, во-первых, полученные со стороны восприятия данные, в определенной ситуации с помощью направляющих внимание понятий можно охарактеризовать так, что это станет понятным и тем, кто не участвует непосредственно в этом познавательном эксперименте. Во-вторых, можно также в понятной форме описать шаги "прикрепления" их последовательности, а также успехи и неудачи в выборе экспериментальных предлагаемых понятий. Этот отчет о пути познания допускает в принципе его повторение другими, а там, где это по каким-то причинам оказывается невозможно, позволяет сообщить результат эксперимента на основании доверия к применяемому методу.

Не трудно догадаться, что представленная здесь теория суждения представляет собой развитие старого критерия истинности, т.е. познания равного через равное (*Эмпедокл*). Эта идея совпадения (так называемая теория адекватности) вновь появляется у Аристотеля в форме совпадения содержания познания с познанным содержанием. В своем искаженном платонистическом виде, происходящем от

недоверия к опыту и заканчивающемся антипла-тонистическим неверием в мышление, эта идея вместе с отвечающим ей представлением о действительности сохраняет свое влияние до настоящего времени. Прогресс в истории сознания в плане разработки идеи совпадения впервые обозначился в *гёттевской* идее праобразного познания, положенной им в основу своего учения о метаморфозе³⁰. Идея совпадения, изложенная здесь в теории суждения, предстает в совершенно новом виде и в двояком свете. В сфере *очевидности* появляется совпадение восприятия и понятия, мыслительного акта того, кто формирует понятие, и содержания мысли, усвоенного в акте мышления. Образования, удовлетворяющие этому виду совпадения, характеризуются внутренним водительством интуитивного движения мысли. В сфере *экспериментального подтверждения* появляется совпадение предложения понятий с допущением его со стороны восприятия и удерживания движения мысли с ее тенденцией к индивидуализации. Образования, удовлетворяющие этому виду совпадения, характеризуются присутствующими объективно сформированными представлениями.

Приведенный здесь экскурс предназначен для того, чтобы дать представление о том, каким образом гносеология Рудольфа Штайнера может внести до сих пор еще не оцененный вклад в теорию суждения и в научно-теоретическую дискуссию. Но, пожалуй, еще более важным является мировоззренческое, повседневно-практическое и общественное содержание и значение изложенного учения. Оно дает опыт практического познания укоренения человека в духовном, как и в физическом мире. И постижение духовного указывает путь к свободному раскрытию духовной сущности человека в духовном мире. Переживание очевидности указывает путь к свободному развитию духовного человеческого существа внутри духовного мира. Наблюдение за объективным формированием представлений показывает, что человек способен пользоваться индивидуализированными понятиями, которые отвечают как его собственной духовной сущности, так и духовной сущности окружающего мира. Это имеет большое значение не только для познавательной, но и для его преобразующей деятельности. Ибо в преобразующей деятельности дело не в применении объективно сформированных понятий. Подобная деятельность была бы просто рабским или рутинным повторением одного и того же. Наоборот, человеческая деятельность есть легитимная сфера применения объективно-сформированных понятий, полученных из моральной фантазии. Только такая деятельность, направляемая моральной фантазией, оказывается творческой и прогрессивной. Никаким иным способом нельзя достичь свободного и всестороннего развития человеческой личности. Это и представляет ценность как общественной, так и личной деятельности людей.

Однако при этом следует принять во внимание две точки зрения, имеющие принципиально важное значение. С этих точек зрения человеку видна и понятна индивидуальная и социальная ценность как очевидного, так и соответствующего действительности формирования суждений. Достоинство человека и соответствующие действительности действия нуждаются в образовании новых идей, т.е. в моральной фантазии. А она может развиваться только на основе

моральной интуиции, т.е. переживаний очевидности и соответствующего поведения суждений. Переживания очевидности пробуждают в познающем человеке спиритуальное экзистенциальное сознание в форме единства его собственной пробразной сущности и общих сущностью пробразно-универсальных сущностей духовного мира. Этот спиритуальный экзистенциальный опыт позволяет познающему человеку постичь всеобщность пробразных сущностей, т.е. их неизмеримое богатство созидательных возможностей. Из этого неиссякаемого источника его моральная фантазия может черпать свободно индивидуализируемые понятия. Только благодаря им человек способен проявиться в своих действиях как свободное существо и тем самым содействовать свободе в социальной жизни. То есть, свобода с одной стороны покоится на очевидности пробразов (универсалий).

Но здесь нужно добавить еще одно. В своей моральной фантазии действующий человек должен избегать произвола. Это означает, что свободно индивидуализированные понятия, которые он кладет в основу своих действий, не только должны быть обреты достойно человека, т.е. в сфере очевидности - интуитивно, - но также они должны быть в согласии с объектно-сформированными понятиями, и это значит - с действительностью. Лишь тогда человеческие действия могут стать не враждебными для окружающей среды. В противном случае они приводят через (столь пугающее нас сейчас) загрязнение окружающей среды к ее античеловеческому состоянию, ухудшающему и социальную жизнь. Поэтому, в связи с потерей человечеством инстинктивных моделей поведения, что характерно для нашей эпохи, огромное социальное значение имеет (приобретает) стремление развивать соответствующую действительности познавательную жизнь и совершенствовать ее. Подобная познавательная жизнь, *а "образ жизни" было лучше - мм/* контролируемая критериями истины, является школой формирования достойных человека и отвечающих действительности понятий и представлений. Это школа действий (деятельности), удовлетворяющих как потребности духовной сущности мира, так и духовной сущности человека. Человеческая свобода, соответственно, зависит, с другой стороны, от формирования (экспериментально обретенных) согласных с действительностью суждений. Только тот способен развить в себе уживающуюся с действительностью фантазию при свободной (не опирающейся на восприятие) индивидуализации понятий, которые он кладет в основу своих действий, кто пройдет эту школу экспериментального формирования суждения. Такие действия тройне свободны, поскольку они берут начало в интуитивной независимости мышления от тела, разворачиваются в уживающейся с действительностью фантазии свободных понятийных образований, и в лишенной произвола технике соединения сформированных фантазий с экспериментально сформированными понятиями достигают поставленных перед собой целей.

Социальное поведение человека характеризуется наличием у него свободы, сознательности в процессе познания действительности и в способности действий в согласии с действительностью. Упражняться в сфере очевидности, в сфере экспериментального формирования суждений, значит учиться развивать социальные способности.

Обрисованная здесь теория суждения находит себе дальнейшее объяснение и дополнение в разработанной автором *языковой морфологии*. С ней можно познакомиться в статье "Эгоморфоз языка". В виду поворота современной философии к лингвистике (linguistic turn) освещение данной проблемы указанием на морфологическое родство языковых и логических структур имеет актуальное значение. Развитие морфологии языка, показывающее соответствие действительности как логической структуре суждения, так и языковой конструкции, представляется крайне важной задачей, потому что утверждения подобные тому, что, мол, "нет никакой надежды ввести точное по содержанию и безупречное по форме определение понятия "истинное высказывание" в повседневный язык"³¹, сегодня получают все большее признание. Взгляды, расходящиеся с этим господствующим направлением³², имеют незначительный вес. Правда, морфология языка, разработанная методами душевного наблюдения, не дает основания для определения понятия истинного высказывания, поскольку она приводит к подвижным понятиям, в силу которых дефиниции могут в лучшем случае играть лишь роль направления взгляда. Тем не менее она выявляет такую характеристику языка (годящуюся для любого языка, хотя и с значительными отклонениями, ибо она связана вообще с праобразом речи), в соответствии с которой складывается совершенно иное понимание вещей. Смысл его состоит в том, что в основе языковых процессов лежит структура истины, что, естественно, ничего не дает содержательной стороне истины отдельных языковых высказываний.

И наконец, коснемся еще одного духовно-исторического и культурно-географического аспекта охарактеризованных критериев суждения. Описанный здесь феномен переживания очевидности, основанного на обмене сущностями мыслящего и мыслимого, указывает на родство с настроем сознания, которое развивает в своих культурах восточный человек (восточные народы). Ибо в основе этого вида сознания лежит духовного мира как своей родины. Правда, при таком культурном настрое и направлении познания не хватает того индивидуального импульса, который в ходе дальнейшего развития той силы, которую зародила греческая мыслительная жизнь, возвышающаяся с полной ясностью только благодаря достижениям современного естествознания, формирующего наше сознание. Тем не менее, некая родственная черта остается, поскольку (всегда подразумеваемый) смысл очевидности состоит в единении познающего о духом. Однако, такое переживание единения при полном сохранении индивидуальной самостоятельности, становится возможным только для нового человечества, которое обретает себя, отстраняясь от чуждого ему образа мира. Проникновение во внешнюю основу действительности, познающее обретение ее и деятельная власть над ней составляют, в противоположность восточному мотиву культуры, и идеалы жизни западного человека. Свои инструменты он берет из овладевающих миром достижений современного естествознания. Но так же, как развитие (течение) восточной культуры нуждается в импульсе самостоятельности, западный человек (нуждается) в осознании своей родины в духовном мире. То и другое соединяются в существо очевидности и эксперимента соответствующего действительности суждения. Полярность сознания и культуры, заданная в зороастризме и буддизме,

распространение которой во всем мире стало главной чертой нашего времени, находит - в напряжении, расслаблении и повышении - научную интерпретацию и практическое исполнение в формировании и осознанности суждения, как этого требует настоящее время.

"Полярность сознания и культуры в зороастризме и буддизме, распространение которых во всем мире стало признаком нашего времени, находит свою научную интерпретацию и практическую реализацию в части формирования суждений и их осознания в условиях нашего времени в феноменах напряженности, разъединения и подъема культур." - было гораздо более понятно и по-русски. ММ.

Примечания

1. Эта статья впервые появилась в журнале "Ди Драйч" № 10 за 1976 г. Здесь она печатается с дополнениями и изменениями.

2. Приведенные ниже замечания по своему характеру претендуют лишь на то, чтобы быть обзором очень широкой области исследований. Дальнейшее развитие или, соответственно, возможное решение других многократно разветвляющихся проблем содержится в других работах автора, например, в сочинении "Идея Гете об эксперименте и современное естествознание" (см. первую часть сборника). Готовится к изданию эссе о сущности истины, которая перекликается по содержанию с работой Штайнера "Философия свободы".

3. Очерк теории познания Гетевского мировоззрения. М. 1993, С.96.

4. Там же.

5. Там же. В той же мере и так называемый "производственный идеализм" Г.Коэна, близкий научно- познавательной онтологии Рудольфа Штайнера, отличен от этого подхода (помимо всего остального) прежде всего тем, что в нем из факта "возникновения действительности" в ходе познания не сделаны выводы, полезные для развития духовности и души человека.

6. Там же, С. 11.

7. См. "G.Frege. Grundgesetze der Arithmetik. 1893, &.I., XXIV.

8. М. Heidegger. Was heisst denken? 1954, S.149. [В русском издании доклада Хайдеггера "Что значит мыслить?" эта фраза звучит так: "...бытие сущего означает присутствие присутствующего, наличие наличествующего" (Хайдеггер М. Что значит мыслить? //Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С.143). - примеч. пер.] Хайдеггер также рассматривает, например,

истину как "нескрытое", выводя это из греческого слова "алетеи", и не учитывает исторических условий развития познания.

[9.](#) V.Kraft. Erkenntnislehre. 1960, S.317.

[10.](#) R.Carnap. Der logische Aufbau der Welt. Scheinprobleme in der Philosophie. 1966, S.317.

[11.](#) Там же, S.334.

[12.](#) Там же, S.249.

[13.](#) Там же, S.297.

[14.](#) A.Unsoeld. Der neue Kosmos. 1974, S.401.

[15.](#) W.Stegmueller. Das Wahrheitsproblem und die Idee der Semantik. 1954, 2. Vlg. S.21, 59, 233ff, 251, 279ff.

[16.](#) T.F.Ackermann. Das Woertliche, das Metaphorische und das Wirkliche, Ratio. 17, 2. 1975, S.1837.

[17.](#) G.Patzig. Hegels Dialektik und Lukasiewicz's dreiwertige logik in "Das Vergangene und die Geschichte", hrg. Von R.V.Thadden. 1973, S.458.

[18.](#) Это слово в штайнеровской терминологии означает не акт восприятия, наблюдения, а их предмет - воспринимаемое (в так называемом внешнем и внутреннем мире).

[19.](#) Гете. Максимы. Своеобразие частного особенного невозможно выявить с достаточной точностью, если неизвестно первоначальное (а не заимствованное из частного) содержание общего. Какое значение имеет правильное разграничение между представлением и понятием можно объяснить на следующем примере. Только если это различие не переходит в сознание, можно всерьез говорить о научности некоей "парадоксии анализа", восходящей к Дж.Э.Муру (см. об этом: P.Schlipp. The Philosophy of G.T.Moore. Evanston. Ill. 1942), которая тем не менее получила значительное признание. В духе этой мнимой "парадоксии" приводится такое высказывание: предложение "понятие "брат" идентично понятию "человек мужского пола из многодетного семейства братьев и сестер"" якобы имеет иной смысл, нежели предложение "понятие "брат" идентично понятию "брат"". Но если, как доказывается дальше, оба предложения имеют разный смысл, тогда и понятие "брат" и "человек мужского пола из многодетного семейства братьев и сестер" должны быть идентичными. Из этого якобы и должна складываться "парадоксия анализа", согласно которой анализ понятий оказывается либо тривиальным, когда анализирующее и анализируемое понятия целиком идентичны, либо ложным, когда эти понятия различны. Но в соответствии с подходом Рудольфа Штайнера,

изложенном в его "Философии свободы", в приведенных здесь и подобных им высказываниях есть только одно понятие, из которого образуются разные представления (т.е., с одной стороны, например, только вербальное представление, а с другой - представление, включающее отношения родства).

[20.](#) Речь идет об общепринятом понимании а posteriori в противоположность критическим взглядам Канта на познание.

[21.](#) Рудольф Штайнер. Основные черты теории познания Гете. С.30.

Более точную характеристику понятия ориентации внимания, которая была бы нужна с точки зрения развития науки о познании, здесь дать невозможно. Если логистика делает различие между языковыми и метаязыковыми элементами, она фиксирует точно такое же различие, но при этом не замечает, что оно является не содержательным, а функциональным.

[22.](#) Там же. С.45, 55.

[23.](#) Там же

[24.](#) Mathesis Universalis, hrg. v. H.Hermes u.a. 1961. S.3488.

[25.](#) Р.Штайнер. Философия свободы. С.210.

[26.](#) Сравни: R.Steiner. Anthroposophie, ein Fragment. 1910. Kap. "Die Welt, welche den Sinnesorganen zugrunde liegt".

[27.](#) Гете. Максимы и размышления. Избранные философские произведения. М., 1964, с

[28.](#) Там же

[29.](#) Гете. Максимы.

[30.](#) Об этом см. татью "Идея эксперимента у Гёте и современное естествознание"

[31.](#) Там же.

[32.](#) Например, W. Weisgerber, E.V.Savigny и другие.